



**Дружба
народов**

2/2018



Андрей Столяров

Четыреста лет вместе

Выбор веры

Согласно легенде об «испытании вер», явились к князю Владимиру, правившему тогда в Киеве, иудеи, мусульмане, католики и православные (из Византии), и каждый предложил ему принять свою веру. Сравнив их все, Владимир Святославич выбрал византийское православие.

Решение это было, конечно, не провиденциальное (предначертанное), а чисто прагматическое, обусловленное конкретной геополитической ситуацией. Главную роль тут, видимо, сыграл так называемый демонстрационный эффект: заимствуют у тех, кто успешен, а не у тех, кто сам находится в бедственном состоянии. Между тем расстановка сил в тогдашнем мире была вполне однозначная. Иудаизм в X веке не имел никакого политического влияния. Хазарский каганат, где его исповедовала часть элит, был к тому времени уже разгромлен. Иерусалим находился под властью арабов. Князь Владимир имел полное право спросить хазарских послов: «Како вы инех учите, а сами отвержени от Бога? Аще бы Бог любил вас, то не бысте расточнени по чюжим землям. Еда и нам то же мыслите зло прияти?» В свою очередь, об исламе в Киевской Руси были весьма смутные представления: контакты имелись только с Волжской Булгарией, которая опять-таки недавно была разгромлена — сначала Святославом, а потом самим князем Владимиром. Служить примером для Древней Руси она никак не могла. Что же касается католической Европы, то после распада империи Каролингов она пребывала в масштабном хаосе: там шли непрерывные междоусобные войны, а с запада, севера и юго-востока Европа подвергалась опустошительным набегам сарацин, викингов и мадьяр.

Еще хуже обстояли дела собственно в Риме. Первая половина X века вошла в историю католической церкви под именем порнокрапии. Власть в Вечном городе в этот период принадлежала могущественной семье тускулумских графов Теофилактов, и сильные характером женщины этого рода свергали и назначали пап по своему усмотрению. Папы, впрочем, тоже не являлись образцом добродетели: публично содержали любовниц, имели детей, которых по мере взросления назначали на

Статья продолжает тему, начатую автором в публикациях прошлого года: «Война миров. Исламский джихад как историческая неизбежность» (№9) и «Разноликий ислам» (№12).

Столяров Андрей Михайлович — прозаик, автор многочисленных статей по аналитике современности и книги по философской аналитике «Освобожденный Эдем» (2008). Публикации в «Дружбе народов»: «Новая земля и новое небо» (№4, 2014); «Герой нашего времени» (№11, 2014); «Дайте миру шанс». Повесть по мотивам реальности (№1, 2015); «Ярче тысячи солнц» (№1, 2016).

различные церковные должности. В сумбуре тех лет возникла даже легенда о папессе Иоанне — женщине, которая занимала папский престол, что обнаружилось лишь тогда, когда во время одной из торжественных церемоний у нее начались роды. Анархия в католическом Риме продолжалась почти два столетия. Папы в этот период менялись с калейдоскопической быстротой. Средняя продолжительность понтификата составляла всего 4 года, и к тому же содержала в себе длинную череду убийств. Никаким реальным авторитетом такая духовная власть пользоваться не могла.

Византия же представляла Риму резкий контраст. Как раз в IX веке начался период подъема этой христианской империи. Границы ее заметно расширились: были завоеваны Болгария, Крит, южная часть Апеннин, возвращены под руку Константинополя Сирия и Финикия, разгромлены сарацины, славяне вытеснены за Дунай, император Иоанн Цимисхий доходил до Иерусалима. Византия стала крупнейшим государственным образованием тогдашней Ойкумены, а Константинополь — признанной столицей христианского мира.

Какие тут могли быть сомнения? Тем более что обстоятельство для Древней Руси складывались исключительно благоприятные. Именно в эти годы в Византии разразился острый государственный кризис: вспыхнул мятеж, который поднял командующий восточными армиями Варда Склир, против него был выслан полководец Варда Фока — тот мятеж подавил, но вскоре сам восстал, провозгласив себя императором. В начале 988 года его войска уже подходили к Константинополю. И одновременно в пределы империи вторглись болгары, нанеся византийской армии тяжелое поражение. То есть положение было критическое. Власть висела на волоске. Император Василий II обратился за военной поддержкой к князю Владимиру. Тот помощь Константинополю оказал, но за это потребовал в жены сестру императора Анну. Видимо, это и было для Владимира главной причиной. Родство с императором резко повышало его государственный статус. Теперь он мог даже претендовать на византийский престол. А если для этого надо было принять христианство — ну что ж, особых препятствий к тому князь Владимир не видел. К религии он вообще был достаточно равнодушен. Академик А.М.Панченко замечал, что «Владимир не воспринимал крещение в качестве этического обновления», ничего не изменилось в его образе жизни, он каким был, таким и остался.

В общем, дело тут было, скорее всего, не в «изначальной истинности православия». Как позже Петр I был очарован Европой, так князь Владимир в X веке вдохновлялся государственным эталоном Византийской империи.

Однако шаг этот означал принципиальное цивилизационное размежевание. Приняв православие, Россия — желала она того или нет — оказалась по другую сторону мировоззренческого барьера, разделившего христианский и мусульманский миры.

Правда, для самой ранней России этого барьера пока не существовало. Собственно Мир ислама был от нее чрезвычайно далек. Тайнственные «бессермены» (позже превратившиеся в «басурман») особого государственного интереса не вызывали. Тем более что с середины XIII столетия на большинстве русских земель воцарилось татаро-монгольское иго, и оно надолго изолировало Древнюю Русь от самостоятельных международных контактов.

Ордынское иго, разумеется, сыграло в формировании Русского государства колоссальную роль, придав ему ряд специфических черт, отличающих Русь от Европы. В частности, оно утвердило на русских землях тираническую «ханскую» власть, последствия чего в России ощущаются до сих пор. Кроме того, монголы принесли на завоеванные земли общину, которую, в свою очередь, позаимствовали у китайцев, — с такой административно-хозяйственной единицы было удобно взимать дань. Однако в религиозном отношении монголы оказались удивительно толерантны. Хотя при хане Узбеке (1313 — 1341 годы) ислам стал государственной религией Золотой Орды, но прозелитизмом, то есть обращением в свою веру других народов, монголы

практически не занимались. В сущности они оставались язычниками, жившими не по шариату, а по Ясе — закону, данному им Чингисханом, и признававшими, помимо Аллаха, многих других богов. Видимо, по этой причине они освободили от дани православных священников, церкви и монастыри, а когда в 1317 году хан Узбек выдал замуж за московского князя Юрия Даниловича свою сестру Кончаку, то разрешил ей принять христианство.

Исламизация Древней Руси не состоялась.

История избрала для России христианский сюжет.

Другое дело, что когда в конце XV века иго Золотой Орды было свергнуто, Московское царство внезапно оказалось в дуге враждебных ему мусульманских государств. С юга — Крымское ханство, Астраханское ханство и Ногайская орда, с востока — Казанское и Сибирское ханства.

Консолидация сил и ликвидация восточной угрозы потребовали более ста лет. Интересное объяснение упорной русской экспансии в сторону Тихого океана предложил Александр Эткинд. Он полагает, что основным экспортным ресурсом Московского царства была пушнина; она имела тогда такое же значение для бюджета страны, как сейчас нефть и газ. В XVI веке Москва (через Новгород) поставляла на Запад до 500 тысяч шкур серой белки в год — фактически вся Европа, особенно ее средний класс, бюргеры, уже достаточно многочисленные в те времена, носили одежды, сшитые из московских скорняжных поставок. А на доходы от этого экспорта Москва закупала то, чего ей не доставало, прежде всего — серебро, предметы роскоши и оружие. Причем, когда появились в Европе первые мануфактуры и белизны шкурки начала вытеснять более дешевая и удобная английская шерсть, Москва сместила поставки в сегмент дорогих мехов — куницы, черно-бурой лисы и соболя: класс зажиточных людей в Европе тоже уже достаточно вырос, чтобы обеспечить этим мехам устойчивый сбыт. Поставки же такого сырья требовали непрерывного расширения охотничьих территорий, особенно на восток, в нетронутые леса, чем и объясняется непрерывный русский фронт.

Так или иначе, но в 1552 году войска Ивана Грозного взяли Казань, а через тридцать лет к России были присоединены и земли Сибирского ханства.

Это было весьма знаковое событие.

С этого момента уже не Русь была интегрирована в Орду, а мусульманские осколки Орды оказались интегрированными в Российское государство.

Значительно большего времени потребовала ликвидация угрозы с юга. Крымское ханство находилось под покровительством Османской империи, которая в этот период переживала подъем. Но хуже всего было то, что собственной производительной экономики в Крыму практически не возникло. Крым жил большей частью набегами на соседние земли, проще говоря — грабежом, и это наносило Русскому государству колоссальный ущерб. Главной добычей татар был полон — пленников затем продавали в Константинополь, Анатолию, в государства Азии и даже Северной Африки. Причем рабов иногда было столько, что «один еврей-меняла, по рассказу Михалона, сидя у единственных ворот перекопи, которые вели в Крым, и видя нескончаемые вереницы пленных, туда приводимых <...> спрашивал у Михалона, есть ли еще люди в тех странах, или уже не осталось никого»¹. По подсчетам некоторых исследователей, количество угнанных в рабство из русских земель на протяжении XIV — XVII веков составило около трех миллионов человек². Цифра для того времени колоссальная. В течение долгих столетий набеги происходили чуть ли не ежегодно, а иногда и по два

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть 2. // *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. — М.: 1988. — Т. 2. — С. 197—198.

² *Fisher A. W.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade. // *Canadian American Slavic Studies.* 1972. — Vol. 6. — P. 575—594.

раза в год. Петербургский экономист Дмитрий Травин пишет: «Для Крыма фактически подобный вид “хозяйственной деятельности” постепенно становился профилирующим. Если татары не совершали очередного набега на христианские земли, то у них просто возникали проблемы с продовольствием».

Насколько опасным было Крымское ханство можно судить хотя бы по тому, что в 1571 году крымский хан Девлет Гирей, в очередной раз вторгшись на Русь, дотла сжег Москву и разграбил ее окрестности, уведя в полон несколько десятков тысяч людей.

Правда, в ислам своих пленников крымские татары не обращали: раб-мусульманин обретал некоторые права. Это мешало работорговле. Вообще — торговать большими массами рабов-мусульман было нехорошо.

На Руси от этого легче не становилось.

Триста лет с переменным успехом продолжалась эта война, триста лет делались засеки, чтобы преградить путь татарской коннице в глубь русских земель, триста лет строились на границах крепости, собирались полки, откупались тяжелой данью, высылали дозоры в Дикую Степь, пока, наконец, в 1783 году после нескольких трудных походов Крымское ханство не было разгромлено и присоединено к России.

Безопасность южных границ Российского государства была таким образом обеспечена. Казалось бы, можно было теперь облегченно вздохнуть. Но одновременно это означало и то, что внутри самой России возник еще один крупный мусульманский анклав.

Ислам стал составной частью России.

И остается ей до сих пор.

Мусульманские народы образовали значительную часть россиян.

Не считаться с этим было нельзя.

Ислам в российской вселенной

А теперь сформулируем главный тезис этой главы. Если кратко выразить его суть, то выглядеть она будет так. Несмотря на присутствие внутри российской цивилизации двух мировых религий, ислама и христианства, и несмотря на то, что исламские ареалы присоединялись к России в основном силовым, то есть военным, путем, масштабных религиозных конфликтов в России не было — обе религии достаточно мирно уживались друг с другом, не претендуя на расширение своих канонических территорий.

Более того, данный тезис можно существенно масштабировать, сказав, что в России не было даже заметных этнических или сепаратистских движений, когда одна из провинций, входящих в состав империи и отличающаяся от метрополии по религии, по культуре, по языку, восстает, пытаясь обрести независимость.

Исключение составляла только Польша, большая часть которой была присоединена к России во второй половине XVIII столетия. Два польских восстания, 1830 и 1863 годов, удалось подавить лишь с некоторым трудом. Однако здесь был случай особый. Несколько ранее, когда Россия была ослаблена Смутой, Польша (тогда — Речь Посполитая, она была консолидирована с Литвой) сама претендовала на статус европейской империи, намеревавшейся объединить вокруг себя всех восточных славян. Одно время польский гарнизон даже стоял в Москве, а польский королевич Владислав в 1610 году был официально объявлен государем, царем и великим князем всея Руси. Казалось, что Московская Русь становится провинцией Великой Польши. Но в итоге проект этот потерпел неудачу, славянские народы Восточной Европы все же объединила Москва, вместе с тем «имперский синдром» прочно утвердился в польском национальном сознании, что осложняет российско-польские отношения до сих пор.

И все-таки это было именно исключением. Ни религиозный, ни национальный сепаратизм не был свойствен для присоединенных Россией земель. Мирное сосуществование с иноверцами было отличительной чертой Российской империи. В России не было ничего похожего на яростное столкновение цивилизаций, которое сразу же вспыхнуло между Западом и Миром ислама: сначала экспансия Халифата, когда мавры (как их называли в Европе) захватили Испанию, потом крестовые рыцарские походы на Иерусалим, затем — экспансия Османской империи, которая сокрушила Константинополь, оккупировала часть юго-восточных европейских земель и дважды, в XVI и XVII веках, осаждала Вену. А затем был еще долгий колониальный период — кровавое восстание сипаев против английского господства в Индии; восстание рифских племен в Марокко, направленное против Испании; восстание афганцев, закончившееся изгнанием из страны англичан; восстание в Ливии против господства Италии, восстание в Египте, восстание махдистов в Судане, восстание в Сомали... А помимо этого уже не исламские, а просто национально-освободительные движения — боливарианские войны в Латинской Америке, Американская революция, приведшая к образованию США...

Повторим: ничего подобного Россия не испытала. Это, конечно, не означает, что ассимиляция иноверческих ареалов происходила исключительно мирно. Имперское давление в них, бесспорно, наличествовало. Царь Иван Грозный, скажем, после взятия Казани и Астрахани приказал разрушить мечети и изъять земли у мусульман. Тогда же началась и кампания по принудительному крещению татарского населения, в результате чего возникли общины кряшен (православных татар), которые сохранились до нашего времени. А Соборное уложение 1649 года предусматривало смертную казнь для того мусульманина, который «какими-нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит и по своей бусурманской вере обрежет». Переход в инославию в те времена вообще, мягко говоря, не приветствовался. Впрочем, Россия здесь исключением не была. Таков был исторический характер эпохи. В Европе в эти же годы полыхали религиозные войны: католики и протестанты безжалостно убивали друг друга, причем делали это, естественно, во имя Христа. Но даже Петр I, а это уже XVIII век, учившийся у «просвещенной Европы» и начавший к неудовольствию Православной церкви сотрудничество со староверами, правда, бравший за это с них своеобразную «джизью» (двойной налог), повелел изъять некоторые права у татар, которые отвергли крещение. Впрочем Петр, вероятно, не столько заботился о христианстве, сколько выстраивал строгий имперский ранжир. В свою очередь, императрица Анна Иоанновна опять-таки повелела полностью уничтожить мечети и создала в 1731 году специальную Комиссию по крещению мусульман. Однако, как замечает А.В.Малашенко, массовых переходов мусульман в православие все равно не было. Правда, добавляет, что «с другой стороны, в длинном списке знаменитых фамилий (Кутузовы, Бунины, Булгаковы, Рахманиновы и так до бесконечности), чьи корни идут от татар (и шире, от тюрок), подавляющее большинство тех, чьи предки были вынуждены «изменить» своей религии»¹.

Вообще складывается ощущение, что на мусульман, внезапно оказавшихся среди миллионов российских подданных, имперская власть особого внимания не обращала. Слишком мало их было и слишком спокойно воспринимали они российский протекторат, чтобы привлечь к себе взгляд сиятельного Петербурга. Это был лишь один из многочисленных народов империи, и, кроме непонятной религии, не было в нем ничего такого, что выделяло бы его среди остальных.

Возможно, это было и к лучшему. Присутствуя где-то на периферии имперского зренья, российские мусульмане сумели сохранить себя как отдельную религиозную и культурную общность.

¹ Малашенко А. Ислам для России. — М., 2007. — С. 93.

Ситуация начала меняться в конце XVIII столетия. Во-первых, было наконец присоединено Крымское ханство, и количество мусульман в России существенно возросло. А во-вторых, пришла совсем иная эпоха — эпоха Просвещения, эпоха больших социальных проектов — и Екатерина II, очень дорожившая своей репутацией «просвещенного монарха Европы», не могла остаться от нее в стороне. В 1767 году она посетила Казань и, приняв изъявления верноподданничества от местных татар, сняла все ограничения на строительство мечетей и мусульманских общественных зданий. Мечети разрешено было также строить в Поволжье и на Южном Урале. А в 1773 году Святейший Синод (главой которого являлась императрица) издал указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам». Таким образом российский ислам был законодательно легализован. Более того, он теперь был выведен из «ведомства РПЦ», что, конечно, ослабило церковное давление на мусульман. Вслед за этим в 1788 году в Оренбурге было создано Магометанское духовное собрание — первая официальная организация мусульман России, и одновременно была учреждена должность главы российских мусульман — муфтия, кандидатура которого после избрания мусульманским сообществом, правда, должна была утверждаться самим императором. А в 1794 году тоже указом Екатерины II был образован и Таврический муфтият.

Сменился вектор имперской политики по отношению к мусульманам. Как пишет А.В.Малашенко, «светская власть империи отказалась от попыток навязать мусульманам иную веру (<хотя> церковь с завидным упорством продолжала миссионерскую деятельность) и перешла к политике контроля над исламом и мусульманами». Произошел окончательный поворот от ассимиляции к аккультурации, то есть от стремления «растворить» мусульман в христианско-русской среде к договорному сотрудничеству имперской власти с внутренним российским исламским миром.

Дальнейшие шаги в этом направлении были вполне естественными. В 1784 году вышел Указ «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства», который наделял мусульман благородного происхождения правами российских дворян. В конце 1788 и начале 1789 года была издана целая серия законодательных актов, регулирующих отношения государства и мусульман. Далее исламское духовенство было включено в имперский Табель о рангах и власть стала выплачивать жалованье мусульманским духовным чинам. Пятницу в исламских регионах разрешено было сделать выходным днем. В 1818 году мусульманам было дозволено построить в Москве собственный молитвенный дом, в 1880 году там же, в Москве, была возведена и мечеть. В 1913 году была открыта большая Соборная мечеть в Санкт-Петербурге. Начало ощутимо расти мусульманское население обеих столиц. На первых порах большинство его составляли татары, которые работали дворниками, кучерами, банщиками и т.д., но возникли также кавказские рестораны и погребки. В гимназиях уроки закона божьего были теперь обязаны посещать лишь православные — ученики мусульманского вероисповедания проводили это время с муллой. Появились штатные муллы в армии — в тех подразделениях, где служило большое количество мусульман. Причем «рекруты мусульмане приносили присягу в мечетях. С 1845 года должности военных имамов были введены во всех портах Российской империи.

В общем, к концу первой трети XIX века мусульманское духовенство было окончательно встроено в систему государственного управления. Исследователи не без оснований считают вторую половину XIX — начало XX века Золотым веком для российского мусульманства. Известный общественный деятель, идеолог и организатор просвещенческого движения среди исламских народов России Исмаил Гаспринский в это время писал: «Нигде сын Востока так легко не обживается, как в России. Ни в

Марселе, ни в Париже вы не найдете арабской колонии (из Алжира), в Лондоне не существует индийского квартала, в Гааге не отыщете ни одного ачинца или малайца-магометанина, тогда как в Москве и Петербурге проживают тысячи мусульман, имея свои улицы, мечети и проч. Это большею частью татары, но кроме них во всех больших городах Внутренней России, не говоря уже о пограничных областях, вы найдете торговцев-персиян и пекарей-турок».

Начинает присутствовать ислам и в русской (российской) культуре. В 1824 году А.С.Пушкин, давший свое имя целой литературной эпохе, пишет цикл стихотворений «Подражание Корану», где вольным и легким стихом пытается выразить смысл священной книги...

Картина возникает почти идиллическая.

Правда, если всмотреться, то складывается ощущение, что ислам в тогдашней России более терпели, чем понимали, к мусульманам относились, скорее, как к привычным «чужим», которых нельзя ни изгнать, ни полностью превратить в «своих». И российские мусульмане, по-видимому, испытывали к империи сходные чувства. Не случайно тот же Исмаил Гаспринский писал, что «русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества, ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры». Гаспринский был в значительной мере прав. Ислам действительно пребывал в Российской империи как «мир иной», как нечто совершенно отдельное от российской государственной и общественной жизни. Он как бы был и одновременно его как бы не было — исламская компонента в российской государственности была практически неощутима. Россия осознавала себя исключительно православной страной, что было четко подтверждено официальной идеологией, и в соответствии с этим строила свою внешнюю и внутреннюю политику. Вместе с тем, на пространствах Срединных земель, как иногда называют Россию, царило спокойствие. Уникальная для того времени ситуация: мусульмане и православные мирно уживались друг с другом. Вероятно, такое положение дел устраивало обе стороны, что уже само по себе закладывало основы перспективного исторического единства.

Здесь можно сразу же выдвинуть возражения. А как быть с «мусульманскими войнами», которые почти непрерывно вела в эту эпоху Россия? С чередой русско-турецких и русско-персидских войн, длившихся почти триста лет? С долгой Кавказской войной, растянувшейся почти на полвека? С экспансией России в Среднюю Азию, в результате чего были присоединены громадные территории, на которых впоследствии образовались такие государства как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан?

Однако если непредвзято рассмотреть данный вопрос, то можно заметить, что это были не религиозные, а чисто имперские войны. В первом случае Россия пробивала себе дорогу к теплым морям, что вполне естественно для молодого развивающегося государства. Во втором случае она пробивала себе дорогу к христианской Грузии, которая вошла в состав Российской империи в 1801 году, но была отгорожена от России враждебным Кавказом. В третьем — перехватывала стратегическую инициативу Британской империи, стремившейся поставить Среднюю Азию под свой контроль. Это был не конфликт двух миров, не «столкновение цивилизаций», потрясавшее основы одной из них. Россия, конечно, «отгрызала куски» Османской империи, но, в отличие от западных стран, не вторгалась в сердце Исламского мира. Она не пыталась подчинить его себе целиком и, достигнув границ, которые считала естественными, также естественно остановилась.

Любое «имперское расширение» рано или поздно заканчивается.

Во всяком случае, войны с «внешним исламом» на положение «внутреннего

ислама» никак не сказывались. Это были «войны на границах империи», не имевшие для России онтологического значения, каковое, например, обрела война 1812 года с Наполеоном. Они не ставили под угрозу существование государства. Войны на Кавказе или в Средней Азии были для российских элит явлением периферийным, своего рода «державной романтикой», абсолютно нормальной в эпоху всеобщих колониальных захватов.

Разумеется, полностью бесконфликтным сосуществование в одном государстве двух разновеческих цивилизаций быть не могло. В конце XVIII века, например, происходили волнения в Младшем казахском жузе (объединении казахских племен), из-за того что у казахов изымали плодородные земли, отдавая их в пользование Уральских, Оренбургских и Сибирских казачьих войск. В ответ последовали набеги казахов на русские форпосты и укрепления. В 1836 году в Младшем казахском жузе опять произошла смута, а в 1837 году она переросла уже в подлинное восстание, продолжавшееся почти десять лет. В 1898 году вспыхнул Андижанский мятеж, в 1916 году — восстание в Туркестанском военном округе. И в том же 1916 году — восстание в Семиречье, после подавления которого более 300 тысяч казахов и киргизов бежали в Китай. Непокойно было также и на Кавказе, где время от времени начинались волнения различных племен.

Следует, однако, заметить, что это были очень редкие и достаточно локальные выступления. Поколебать государственное устройство империи они не могли. Причем последние два произошли уже в разгар Первой мировой войны, когда правительство царской России, ощущая нехватку рабочих рук, предприняло попытку мобилизации на тыловые работы представителей коренных среднеазиатских народов, от чего ранее они были освобождены.

Это были чисто этнические протесты.

Ислам здесь был ни при чем.

Если суммировать реалии данного исторического периода, то есть все основания утверждать, что нигде ислам не чувствовал себя так спокойно, как в Российской империи — в российской вселенной, объединившей собой множество этносов, религий, культур. Не сравнить с ожесточенной войной Запада и Исламского мира, длящейся уже полторы тысячи лет.

Причем, мирное существование ислама в России вряд ли следует объяснять лишь исключительно разумной и взвешенной политикой российских властей. Скорее наоборот. Российское чиновничество, особенно в отдаленных провинциях, своей ленью, безграмотностью, самодурством, коррупцией только провоцировало конфликты.

Нет, как нам представляется, наличествовал в русской (российской) национальной культуре некий архетипический механизм, которым западные страны не обладали. Механизм, позволяющий гармонизировать разные верования, народы и языки и превращать их противоречивое бытие в некую целостную онтологическую симфонию.

Причем механизм этот образовался уже давно.

Универсальная нация

Обозначим фактор, сформировавший этот удивительный механизм. Однако сначала скажем несколько слов о таком важном явлении, как *географический детерминизм*. Идея его очень проста: климат и географическая ситуация, в которой зарождается какой-либо этнос, приводят к образованию у него специфических национальных черт.

Идеи географического детерминизма высказывал еще Гиппократ, который писал, что «большой частью формы людей и <их> нравы отражают природу страны». Вслед

за ним эту концепцию развивали и уточняли многие ученые умы от Аристотеля до Льва Гумилева.

Впрочем, взаимосвязь человека и территории понятна даже из самых общих соображений. Если начальный этногенез разных народов происходил в разных, сильно отличающихся природных условиях: лес, степь, горы, пустыня, тундра, то это, естественно, влекло за собой становление разных типов хозяйствования и общественных отношений. Данная специфика, в свою очередь, отбиралась и фиксировалась культурой, концентрировалась в нормах морали, в законах, в поведенческих стереотипах, превращалась в устойчивую традицию, как правило сакрализованную, которая затем — из поколения в поколение — воспроизводилась через образование и воспитание.

Таков исходный посыл. А теперь посмотрим, какие факторы повлияли на становление русского этноса. Собственно, таких факторов было несколько, но здесь мы выделим лишь один, имеющий отношение к нашей теме.

Сформулировать его можно так: *громадная территория* проживания русских (впоследствии россиян) *при относительной малочисленности населения*.

Впреки общепринятым представлениям русские никогда не были обширным народом. Климатические условия северо-востока Европы, где формировалось русское этническое ядро, холодный климат и скудные почвы, дававшие очень умеренный урожай, не способствовали демографической пролиферации. Вплоть до XIX столетия численность населения России была существенно ниже, чем во Франции и Италии, сопоставима с численностью населения Польши и значительно уступала совокупной численности западных европейцев.

И это при огромных пространствах расселения русского этноса.

Причем, даже когда население России стало расти, на него все равно давил высокий уровень смертности. Еще в конце XIX столетия средняя продолжительность жизни в России составляла 31 год у мужчин и 33 года у женщин. По этому показателю развитые державы Европы превосходили ее не менее чем на 15 лет¹.

Удержать большие пространства можно было либо военной силой — и такое направление реализовали колониальные империи европейских стран: Британская империя, Голландская империя, Португальская, Испанская, Бельгийская империи, осваивавшие «туземные территории» методом талассократии² (его также можно назвать «вахтовым методом», хотя «вахта», то есть служба в колонии, могла продолжаться всю жизнь), либо — за счет идентификационного единства колоний и метрополии, то есть за счет включения колониальных народов в общий имперский народ.

Принципиально иным путем пошла Россия, где действительно считались нормой межнациональные браки, причем как для высших, так и для низших сословий, а кроме того являлась нормой инкорпорация местных, национальных элит в разряд властной имперской элиты.

Ни то, ни другое в европейских колониальных империях не практиковалось. Невозможно было представить себе, чтобы англичанин, пусть даже мелкий клерк Ост-Индийской компании, женился на местной девушке и уж тем более — чтобы англичанка, «белая женщина», вышла замуж за индуса или араба. Так же невозможно было представить себе, чтобы туземный аристократ, пусть даже князь или раджа,

¹ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России.— СПб.: 1916. — С. 179.

² *Талассократия* (власть моря) — метод, с помощью которого Древние Афины в период своего расцвета контролировали подвластные им инокультурные территории. При этом заселения колоний гражданами Афин не происходило, там имелись лишь небольшие представительства (гарнизоны), однако в случае каких-либо серьезных коллизий к берегам колонии подходил грозный афинский флот, высаживал десант, который и наводил порядок. Заметим, что сейчас метод талассократии используют Соединенные Штаты для контроля над многими регионами Третьего мира.

занимал бы высокую должность в английском правительстве. Править Англией мог только коренной англичанин. Между тем треть дореволюционной российской аристократии составляли выходцы из Золотой Орды, Казанского, Астраханского и Сибирского царств. Кроме того сразу приходят на ум неистовый протопоп Аввакум — мордвин, его идеологический оппонент патриарх Никон — тоже мордвин, князь Багратион, герой войны против Наполеона, — грузин, граф Нессельроде, канцлер Российской империи, министр иностранных дел, — немец, граф Лорис-Меликов, министр внутренних дел при императоре Александре II, — армянин, генерал Корнилов, главнокомандующий Русской, а затем Добровольческой армией, — наполовину казах.

Более того, русские всегда с необычайной легкостью воспринимали элементы чужой культуры, восхищаясь ею и делая ее частью своей. В период среднеазиатских походов (вторая половина XIX века), когда к России были присоединены Хива, Бухара, Ташкент, русские офицеры запросто облачались в местного пошива халаты, а еще раньше, во время длительной Кавказской войны, щеголяли в горской одежде, каковая мода и закрепилась в российской армии, особенно в кавалерийских частях.

Добавим, что барон Врангель именно за свое пристрастие к черкеске черного цвета получил прозвище «черный барон». В черкеске ходил и генерал Слассев, командовавший у Врангеля обороной Крыма, — он стал прообразом генерала Хлудова в пьесе Михаила Булгакова «Бег». Черкески в качестве официальной военной формы носили также офицеры Лейб-гвардейской казачьей сотни в 1829—1855 годов. Даже Александр Сергеевич Пушкин «рядился и по-молдавански в Кишиневе, и по-гречески — в Одессе».

Впрочем не Пушкин положил начало этой традиции. Еще в эпоху Ивана Грозного появилась в Московском царстве мода «на ношение традиционных мусульманских головных уборов — тюбетеек, которые не снимались даже в храме. Этому обычаю даже была посвящена 39 глава «Стоглава» «О тафьях безбожного Махмета», запрещающая ношение в храме головных уборов». Можно также вспомнить, что знаменитая «шапка Мономаха», представляющая собой символ российского самодержавия, вовсе не была, как гласит легенда, подарена византийским императором Константином IX князю Владимиру Всеволодовичу, а являлась парадной шапкой татарского мурзы и, по мнению ряда историков, получил ее московский князь Иван Калита как награду за преданность от хана Узбека, властителя Золотой Орды¹. Тем не менее, этой шапкой венчались на царство московские государи.

В общем в светской российской жизни такая традиция утвердилась. Однако британский офицер в национальной индийской одежде или французский офицер в одежде алжирца — это, конечно, абсурд.

Да что там одежда! Если обозреть произведения русской классической литературы (стихи и прозу), затрагивающие тему Кавказской войны, — от Бестужева-Марлинского до Льва Толстого, то обнаружится еще более удивительный факт: русские солдаты и офицеры не испытывали никакого презрения к «туземным народам». Напротив, они романтизировали своих противников — отвагу горцев, их вольную жизнь, их гордость, их честь и достоинство. Ничего подобного европейская «колониальная литература» не знала — там «белый человек» по праву, данному ему природой и богом, властвовал над дикими аборигенами.

В результате Россия стала странной империей — империей, где титульная нация, то есть собственно русские, не имела никаких преимуществ перед колониями. Более того, именно русское большинство несло основные тяготы имперского существования: налоги, особенно в советское время, перераспределялись в пользу национальных окраин, крепостное право, пока оно не было отменено, существовало лишь в пределах

¹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. — М., 2004. — С. 151.

чисто русских земель, набор в армию шел в основном среди русского населения, грамотность и уровень жизни в русских провинциях были ниже, чем в западных, польских и финских, областях Российского государства¹. Как метко заметил В.Д.Соловей, Россия была «империей наоборот»: не столько метрополия существовала за счет колоний, как это практиковалось на Западе, сколько колонии усиливались и развивались за счет метрополии. Впрочем, концепцию «привилегированной периферии и дискриминированного центра», характерную для имперской России, высказывал еще историк Борис Нольде в середине XX века.

Следствием этого явился чрезвычайно редкий феномен: добровольное вхождение «колоний» в состав «империи». Начиная с XVII века к России добровольно присоединились Абхазия, Башкирия, Грузия (по крайней мере в виде Картли-Кახетинского царства, каковым она являлась тогда), присоединились Казахские жузы (большие территориальные объединения казахских племен), Киргизия, Украина, Тува. С аналогичной просьбой к Петру I обращался Дмитрий Кантемир, князь Молдавии. Мысль об объединении Болгарии и России высказывал первый секретарь болгарской компартии Тодор Живков. Не прочь были войти в Советский Союз Монголия и, по слухам, даже Ангола, хотя последняя не имела с ним общих границ. Российская империя потому, вероятно, и просуществовала так долго — сначала в виде царской России, а затем в виде СССР, — что национальные республики в ней чувствовали себя не колониями, а частью великого государства, созданного в том числе и для них.

Кстати, одно из преимуществ, которое сразу же получили среднеазиатские мусульманские территории, оказавшиеся в составе России, это прекращение бесконечных мелких, но изнурительных войн, сопровождавшихся убийствами и грабежами. Местные жители «быстро убедились, что приход русских вреда им не причинил... Конечно, край подвергся завоеванию, но эти гяуры принесли мир и порядок, чего давно не знал край, истерзанный своими правоверными властителями», — пишет Е.Глушенко в исследовании «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования».

А теперь определим механизм, о котором мы говорили выше. Характеризующей чертой русского этноса является *национальный универсализм*. В силу исторических обстоятельств Россия создала уникальное этнокультурное образование — *универсальную нацию*, способную, как вселенная, к бесконечному расширению — к наращиванию этнического разнообразия при сохранении системной целостности.

История знает всего два примера, когда нациям удалось создать устойчивую универсальную идентичность, — это американцы и русские. Причем американцам все же было намного легче: в «плавильный тигель» Америки попадали не крупные этнические целостности (народы), а отдельные личности или мелкие организации в виде семей и религиозных общин, включение их в универсальную идентичность не было обременено территориальной традицией.

Интересно также, что именно эти нации превратились затем в крупнейшие мировые державы XX века. Они образовали не просто этнические империи, а колоссальные государственные вселенные, способные — в перспективе — к безграничному расширению.

Что, впрочем, естественно.

В расширяющейся вселенной есть место для всех.

¹ Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. — М., 2008. — С. 105—106.

Союз нерушимый

Двинемся дальше.

Внешним выражением универсальной нации является *универсальная идентичность*. То есть идентичность вселенского типа, также способная к безграничному расширению. Зародилась она в России опять-таки очень давно, и если рассматривать проблему в этих координатах, то можно даже сказать, что русский этнос, в отличие от многих других, никогда не имел локальной, сугубо этнической идентичности — он всегда образовывал идентичность более высокого уровня.

Это характерно уже для периода Древней Руси. Местная идентичность, к тому же носившая еще отчетливо племенной характер, была в то время несомненно сильнее общей этнической идентичности. Тогдашний русский ощущал себя в первую очередь киевлянином, галичанином, ярославцем, владимирцем, новгородцем, и только уже потом — этнически русским. Впрочем, доминирование местной идентичности над национальной типично и для других крупных этносов, складывавшихся из конгломерата родственных между собою племен. Специфика собственно «русскости» заключалась на данном этапе в том, что она имела не столько этнический, сколько теллурический (территориальный) оттенок. Здесь она работала в полную силу. Русскость определялась через принадлежность к единой земле, что весьма убедительно выражено в летописных источниках: «откуда есть пошла Руская земля... откуда Руская земля стала есть» («Повесть временных лет»), «О, Русская земля, ты уже за холмом» («Слово о полку Игореве»), «Слово о гибели Русской земли», и т.д. и т.п. Никаких сказаний о «земле английской», «земле французской», «земле голландской», насколько известно, в соответствующих национальных летописях не содержится.

В свою очередь, в период Московского царства преобладала московская, то есть государственная, идентичность. Учитывалось прежде всего подданство (политическое гражданство), а конкретная национальная принадлежность значения не имела. Татарский князь, поступивший на службу к Москве, имел такие же этнические права, как и князь рода Рюриковичей. Он во всех отношениях был ничуть не менее «русским». Вспомним хотя бы гротескное, но весьма показательное «воцарение» касимовского хана Симеона Бекбулатовича, сначала посаженного Иваном Грозным на престол «царя и великого князя всея Руси», а потом ставшего «великим князем Тверским».

Точно так же в период имперской России доминировала имперская идентичность. Русским мог считать себя каждый, кто принимал российское подданство и строил свою жизнь в соответствии с ним — этот термин обозначал опять-таки не столько национальность, сколько гражданство. Князь Багратион, например, недовольный ходом военных действий против Наполеона в Отечественной войне 1812 года, писал Аракчееву (а в действительности, вероятно, — для сообщения императору Александру I): «вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно». Напомним, что Багратион по национальности был грузином, более того — происходил из царской династии Багратионов. Это, как видим, нисколько не мешало ему называть себя русским.

И наконец в период существования СССР приоритет имела советская идентичность. Была провозглашена новая историческая, социальная и интернациональная общность «советский народ», имеющая единую цель — построение коммунизма. Предполагалось, как утверждает в Большой советской энциклопедии издания 1976 года, что собственно «национальная общность находится в органическом единстве с <этой> более высокой, интернациональной общностью, и представители любой нации и народности СССР считают себя прежде всего советскими людьми».

Заметим, что это не было идеологическим преувеличением. Наднациональная общность «советский народ» действительно существовала. Об этом свидетельствует и его единство в Великой Отечественной войне, поскольку большая война всегда

является проверкой полиэтнического государства на прочность, и громадное количество межнациональных браков, которые воспринимались тогдашним сознанием не как эксклюзив, а как бытийная норма, и весьма пестрый, именно в национальном аспекте, состав теперь уже советских властных элит. Вспомним: Сталин — грузин (или — огузиненный осетин), Каганович — еврей, Микоян — армянин, Брежнев — видимо, украинец¹, Пельше (член политбюро ЦК КПСС) — латыш, Шеварднадзе (член политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР) — грузин, Алиев (член политбюро ЦК КПСС) — азербайджанец, Кунаев (член политбюро ЦК КПСС) — казах, Громыко (член политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР, председатель Президиума Верховного Совета СССР) — белорус, а также: маршал Рокоссовский — поляк, маршал Баграмян — армянин, маршал Москаленко — украинец...

Фактически русский этнос никогда не был самим собой. Он всегда выступал в истории как некое надэтническое сообщество. Он отождествлял себя не столько с нацией, сколько с землей, с родиной, с государством, и культивировал в себе не столько этнические, сколько патриотические и государственные черты. Этот его уникальный статус, видимо, и смягчал этнические противоречия в огромной империи. Зато если универсальность нации ослабевала, это немедленно приводило к росту этнического напряжения.

Скажем, сильный крен в сторону этнической русскости был сделан в царствование Александра III, а затем Николая II, который во всем брал пример со своего отца. Тогда «русскость» стала акцентироваться при царском дворе (Николай II, например, любил щеголять в русской косоворотке), и одновременно началась интенсивная русификация западных и восточных провинций: насильственное внедрение русского языка в образование и делопроизводство, ограничение местных традиций и региональных законов, административное насаждение русской культуры. Выглядело это довольно странно, поскольку, учитывая иностранные браки русских царей, в самом Александре III было, по разным подсчетам, от одной тридцать второй до одной девяносто шестой частей собственно «русской крови», а у Николая II, сына датской принцессы Дагмары, естественно, и того меньше. И конечно, ни к чему хорошему такая политика привести не могла. Ограничили при Александре III процент евреев в российских университетах — еврейская молодежь хлынула в революцию. Ограничили автономность Финляндии, которая, кстати, тогда ни о какой независимости от России не помышляла, — и Финляндия сделалась прибежищем для российских революционеров. Дали казакам привилегии по владению землей на Кавказе — начались столкновения с чеченцами и ингушами. Причем, Николай II этому еще и способствовал, наложив такую резолюцию на доклад о чечено-казацких стычках из-за земли: «Именно это соседство и поддерживает в терских казаках их старинную дедовскую удаль». О чем он думал в этот момент? В общем, «кого бог хочет покарать, того лишает разума».

Универсальную идентичность восстановила лишь советская власть, заменив в ней идеологему «русский» на идеологему «советский».

Правда, произошло это не сразу.

В отношениях советской власти с внутренними исламскими областями России, превращавшейся в СССР, на наш взгляд, следует выделить три этапа.

На первом этапе советская власть рассматривала ислам как временного союзника. Или, выражаясь языком того времени, как идеологического «попутчика», который может быть полезен в революционной борьбе. Предполагалось, что исламские движения в России и за рубежом выражают, пусть в специфически религиозной форме, социальный, антиколониальный протест, в отличие от православия, которое считалось сугубо реакционной идеологией.

Было официально объявлено, что советская власть вовсе не против ислама. Уже 3 декабря 1917 года Совнарком выпустил специальное обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где говорилось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья,

¹ В официальных документах Л.И.Брежнева указано то украинец, то русский.

чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»

Второй этап наступил, когда советская власть окончательно укрепилась и Россия (теперь — СССР) вновь — правда, без Польши, Финляндии и Прибалтики — была объединена. Примерно с 1923 года в Советском Союзе началось целенаправленное и непрерывно усиливающееся давление на ислам. И хотя Конституция СССР, принятая в 1936 году, давала советским гражданам право исповедовать любую религию, множество православных священников и мусульманских духовных деятелей были подвергнуты репрессиям. Легальные же исламские организации были сконцентрированы в Центральном духовном управлении мусульман, устав которого утвердил тот же НКВД. Естественно поэтому, что когда в октябре 1926 года состоялся съезд мусульман Татарстана, Башкирии, Казахстана, Украины, Чувашии и некоторых областей РСФСР, он тут же направил руководству СССР приветственные телеграммы, где говорилось о «грядущем единении мусульман всего мира под знаменами советской власти во имя борьбы с империализмом».

Не следует, однако, думать, что жизнь тогдашнего населения мусульманских регионов СССР состояла только из гонений и репрессий. Парадокс советской власти заключался в том, что при всех ее ошибках и аномалиях, при всех ее преступлениях, особенно чудовищных в период сталинской диктатуры, она реально пыталась направить страну в «светлое будущее». Поэтому строились школы, институты, больницы, прокладывались дороги, возводились плотины, фабрики и заводы, велась целенаправленная борьба с неграмотностью, стимулировался подъем национальных культур — «империя наоборот», каковую черту унаследовал от царской России Советский Союз, вкладывала огромные средства в развитие периферии. Особое значение это имело для Северного Кавказа и Средней Азии, исторически наиболее бедных и отсталых районов России.

К тому же советская власть, как когда-то ислам, создала мощный механизм идеологической индоктринации, тем более что она быстро установила тотальный контроль над книгоизданием, прессой, театрами, радио и кино. Медийная реальность, создаваемая средствами массовой информации, была настолько сильна, что в значительной мере заслоняла собой действительную реальность. Многие советские люди были искренне убеждены, что они живут в лучшей стране мира, за которой — историческое будущее. Тем более привлекательной советская власть казалась исламским регионам СССР, где в связи с предшествующей низкой экономической и социальной базой изменения к лучшему особенно впечатляли. В общем, как пишет в книге «Ислам для России» А. Малашенко, «коммунизация мусульман шла успешнее, чем христианизация». Или, пользуясь выражением французского историка Н. Верта, можно сказать, что в Советском Союзе возник «социум общей судьбы», объединяющий собой все этносы и все конфессии, в том числе — мусульман.

Советский ислам: демо-версия

И наконец третий этап существования ислама в советский период можно охарактеризовать как фантомный. Ислам в СССР как бы присутствовал, но одновременно его как бы и не было. Немногочисленные мечети как бы функционировали, но кто их посещал, было неясно. Советский Союз был страной принципиального атеизма, и в советском медийном сознании фактор религиозности

напрочь отсутствовал. Дела веры и религиозных организаций волновали лишь соответствующий отдел Центрального комитета КПСС.

Впрочем, то же самое происходило и с Русской православной церковью. Большинство советских людей вспоминало о ней лишь два раза в год, когда в редких соборах на Рождество или на Пасху звонили колокола.

Это, разумеется, не означает, что для советской власти ислам вообще перешел в идеологическое небытие. Еще при Сталине в 1944 году были сформированы четыре Духовных управления мусульман: Средней Азии и Казахстана (в Ташкенте), Северного Кавказа (в Махачкале), Закавказья (в Баку), Европейской части СССР и Сибири (в Уфе) — и можно было не сомневаться, что все они находились под жестким контролем спецслужб. К тому же с конца 1950-х годов стеснения свободы совести вновь усилились, антирелигиозная пропаганда стала осуществляться особенно системно и последовательно.

Данную политику четко обозначил Н.С.Хрущев, бывший в этот период руководителем государства. Он был инициатором антирелигиозной кампании, и он же в начале 1960-х годов обещал советскому народу, что вскорости по телевидению будет показан «последний поп». Вообще термин «поп» относится обычно к православным священникам, но нет сомнений, что имелось в виду и мусульманское духовенство.

И все же ислам был нужен советскому руководству. Он был нужен ему прежде всего как геополитический инструмент. В послевоенное время Советский Союз не просто расширился до мировой системы социализма, включив в нее целый ряд восточно-европейских стран, создав тем самым «социалистический лагерь», но, опираясь на свой международный авторитет, возникший после победы в Великой Отечественной войне, начал проводить активную политику глобальных масштабов. В частности, он поддерживал арабские государства в их противостоянии Западу, прежде всего, конечно, Израилю и США, а для этого требовался надежный «советский ислам», наглядно демонстрирующий совместимость ислама и социализма как естественных союзников в общей борьбе.

Витриной советского ислама стал в это время Ташкент, столица советского социалистического Узбекистана. Туда возили делегации, приезжавшие в СССР из арабских стран, там устраивали международные конференции и фестивали, туда приглашали известных религиозных деятелей из Мира ислама, чтобы они своими глазами увидели, как вольготно и радостно живут советские мусульмане. Тем более что «официальные советские мусульмане» охотно и совершенно искренне — это следует подчеркнуть — одобряли помощь, предоставляемую Советским Союзом арабским странам, и осуждали «империалистическую агрессию Запада» против них.

Другое дело, что особых поводов для волнений насчет «внутреннего ислама» у советского правительства не было. Советский ислам в это время инкапсулировался, он пребывал в летаргическом состоянии — ни жив, ни мертв, и руководство СССР это вполне устраивало. Это целиком находилось в русле политики, которую проводило брежневское политбюро ЦК КПСС в течение двух последних десятилетий.

Леонид Брежнев был по природе своей человеком не слишком амбициозным и требовал от руководства советских республик лишь двух вещей: во-первых, личной преданности себе как генеральному секретарю и, во-вторых, спокойствия в самой республике, то есть чтобы там не возникало проблем. При исполнении этого республика как бы отдавалась на откуп соответствующему республиканскому секретарю. Он был в ней царь и бог, властитель и вседержитель, и Москва в его внутренние дела старалась не вмешиваться. В итоге к началу 1980-х годов советские республики, населенные этническими мусульманами, превратились в некие удельные княжества, живущие по своим негласным законам и управляемые своими «эмирами», первыми секретарями республиканских ЦК. Советская власть в этот период вообще уже заметно дряхла, и ее устраивал негласный консенсус, который сам по себе сложился между ней и советскими гражданами. Власть как бы говорила: «Вы нас открыто не критикуйте, не протестуйте, не создавайте проблем, и мы вас тоже трогать не будем. Живите, как хотите, лишь бы все было тихо».

Таков был «общественный договор».

Это же относилось и к мусульманам.

Если рядовой мусульманин просто ходил в мечеть, то атеистическая власть закрывала на это глаза. Если рядовой мусульманин просто читал Коран, то на это тоже не обращали внимания. Санкции применялись лишь в том случае, если мусульманин начинал проявлять религиозную, гражданскую или политическую активность. Или хуже того — создавал неформальную религиозную группу.

Из всего сказанного можно сделать странный и отчасти парадоксальный вывод. За четыреста с лишним лет пребывания в России крупных мусульманских общин — а если иметь в виду Среднюю Азию, то и целых стран, населенных миллионами мусульман, — крупных конфликтов с «внутренним исламом» у Российского государства не было; напротив, обе цивилизации образовали некую цивилизационную общность, возможно, не слишком прочную, но все-таки имеющую экзистенциальные перспективы.

Основой этой общности послужила универсальная русская идентичность, выступавшая в разных статусах — и как московская, и как российская, и как советская. Она позволила сформировать империю особого «вселенского» типа, куда могли естественно входить все народы, все религии, все культуры. Это, видимо, и придавало империи онтологическую устойчивость, в результате чего она, пройдя множество пертурбаций, тем не менее сумела просуществовать почти до конца XX века.

С другой стороны, этот процесс был не столько сознательный, сколько спонтанный, и в имперское, и в советское время отягощенный спецификой российской государственной власти. Поэтому настоящего цивилизационного синтеза все же не произошло. «Внутренний российский ислам» пребывал как бы в параллельной реальности, практически не пересекаясь с общественной жизнью страны. Более того, очутившись в составе России, исламские регионы оказались оторванными от большого Исламского мира и не прошли тех социальных и мировоззренческих преобразований, которым подвергся в XIX и XX веках «внешний ислам». Скорее наоборот: попав в изоляцию от внешнего мира и будучи сегментированным по регионам внутри страны, российским исламом начал пропитываться местной этничностью, образуя самостоятельные этно-религиозные конформаты. На Кавказе верили не так, как в республике Татарстан, в Татарстане не так, как в республиках Средней Азии, в Средней Азии не так, как мусульмане Москвы.

В результате в России сформировался совершенно особый ислам — социально пассивный, не стремящийся к самостоятельному гносеологическому развитию, не считающий себя частью всемирной исламской уммы и все более обретающий статус разобщенных региональных конфессий.

В начале 1980-х годов казалось вполне очевидным, что «советский ислам» постепенно уходит в небытие. Он превращается в призрак, поддерживаемый лишь меркнущим прошлым. И если даже через пару-тройку десятилетий он не исчезнет совсем, то будет пребывать в маргинальном, экзотическом статусе, выражающем собою не веру, а лишь традиционный обряд. Фактически от него останется лишь историческая символика, демо-версия, необходимая власти для международных политических презентаций.

Казалось, что будущего у российского ислама нет.

Такое впечатление возникало при взгляде со стороны.

Впрочем аналогичное впечатление возникало и при взгляде на Русскую православную церковь: истощенное бытие, постепенно гаснущее эхо прежних эпох.

Казалось, что обе религии вскоре утонут в волнах нового времени.

В этом мало кто сомневался.

Ситуацию изменила перестройка.

Эмиль Паин

Управление культурным разнообразием

Исторические модели и современная практика в регулировании этнополитических отношений

Эволюция политики культурного разнообразия

Трудно сказать, когда впервые появилось в литературе словосочетание «управление многообразием» («diversity management»). Даже если согласиться с теми, кто полагает, что оно было введено еще в первой половине XX века для описания стратегий использования в фабричном производстве труда эмигрантов, нельзя не признать, что в XXI веке, в условиях глобализации, оно приобретает новый смысл, быстро расширяя свою предметную область. Ныне управление культурным разнообразием (УКР) не ограничивается рамками отдельных предприятий, а становится частью государственного управления.

При этом наименьшая определенность в использовании этого термина характерна для государственного и муниципального управления. В этих сферах концептуализация предмета управления культурным разнообразием произошла лишь на рубеже XX и XXI веков, а в российской практике появляется буквально на наших глазах. Что касается регулирования межэтнических отношений, то наш проект¹ едва ли не первым использует данное понятие.

Предложение использовать в российской практике даже саму терминологию УКР может наткнуться на серьезные возражения в среде экспертов сферы этнической политики, поскольку эта концепция и терминология прочно ассоциируются в сознании многих только с политикой «мультикультурализма», подвергшейся серьезной критике. Между тем критиковали эту политику, вполне справедливо, вовсе не за поддержку

Паин Эмиль Абрамович — российский политолог и этнограф, доктор политических наук, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Статья написана в рамках проекта, руководителем которого является Э.А.Паин, «Новые подходы и методы регулирования этнополитических (межэтнических и межрелигиозных) отношений на территории крупнейших городских агломераций России» (2015—2017), в котором понятию УКР дается следующее рабочее определение: «Управление культурным разнообразием (УКР) является функцией публичной власти, имеющей целью координацию социокультурных отношений, а также практическую разработку мер по обеспечению мирного и взаимоприемлемого общежития людей с разной культурной (этнической, религиозной, расовой и др.) идентичностью в границах единого политического пространства (государства, региона или города)».

культурного разнообразия. Признаки управления культурным разнообразием известны со времен древнейших государств, которые были вынуждены совмещать разнообразие племен, языков и религий с универсальностью распоряжений правителя. В новое время эта концепция также изменялась, пройдя несколько стадий эволюции.

«Плавильный котел»

Этот термин появился в XX в., но отразил двухвековую политику США, направленную на гражданское смешение, «переплавку» разных народов в единую американскую нацию. Такую политику в одни времена превозносили как главный символ американского образа жизни, а в другие демонизировали в публикациях противников идеи «мультикультурализма», определяя ее как ассимиляционную и даже расистскую.

Лишь в последние годы стали появляться взвешенные исследования и публикации на эту тему. На наш взгляд, политика «плавильного котла» была скорее интеграционной, чем ассимиляционной. Она никогда не приводила не только к полному подавлению, но даже и к уменьшению культурного разнообразия в стране, в том числе этнического. Достаточно сказать, что, по данным Бюро переписей США, в этой стране к ноябрю 2015 г. бытовало более 350 языков народов мира, в том числе и русский, на котором постоянно общаются в Америке около 880 тыс. человек. Некоторые языки и культуры, например, культура европейских евреев ашкенази и их язык идиш, из всех стран мира лучше всего сохранились именно в США. Проблема политики «плавильного котла» состояла в том, что в США она долгое время уживалась с расовой дискриминацией, которая все же не была ее следствием. Во всяком случае, менее известный вариант этой политики, проводимой в странах Латинской Америки (например, в Бразилии), связью с расизмом не отмечен, и ныне характеризуется наименьшим по мировым меркам уровнем межэтнической и межрасовой конфликтности.

Какие бы дискуссии ни велись относительно оценки последствий концепции «плавильного котла», общепризнано, что она завершала собой эпоху становления государств-наций и предшествовала новому циклу в перманентном чередовании объединительных и разделительных процессов в эволюции человеческой культуры.

Зарождение «мультикультурализма» как политического проекта

В 1950-е — 1970-е гг. стали появляться ранние формы политической реализации этой модели. Пожалуй, первым политическим документом, представляющим эту идею в XX в., стала Конституция Индии (1950). Чуть позже были проведены политические дебаты относительно сущности и статуса культурного разнообразия в Швейцарской конфедерации, где (1957) и появился термин «мультикультурализм».

И все же всемирную известность этот термин получил спустя 15–20 лет на основе политической практики Канады. В октябре 1971 г. мультикультурализм стал одним из опознавательных знаков политики правительства, возглавлявшегося Пьером Трюдо, и проводившейся под лозунгом «Одна нация, два языка, много народов и культур».

Канаду считают истинной родиной политики «мультикультурализма» не без основания, поскольку здесь сформировались ее важнейшие принципы:

- признание государством культурного плюрализма в качестве нормы современного демократического общества;
- гарантии для индивидов и групп сохранения своей культурной идентичности и специфичности;
- гарантии недопущения дискриминации по культурным различиям;
- государственное и общественное противодействие ксенофобии.

Эта часть мультикультурализма и ныне преимущественно позитивно оценивается экспертами, хотя со временем стало ясно, что декларируемое равенство прав не в полной мере соблюдается, — эта политика отражает интересы скорее меньшинств,

нежели этнического большинства. У Канады идеи мультикультурализма были заимствованы Австралией и стали элементом государственной политики этой страны. В 1973 г. правительством лейбористов была создана государственная организация (Australian Institute of Multicultural Affairs), которой было поручено проведение курса на формирование в Австралии «мультикультурного общества». В 1975 г. в Швеции был принят закон о поддержке меньшинств, положивший начало политике мультикультурализма в этой стране. Затем Великобританией была воспринята антидискриминационная составляющая этой политики, и в 1976 г. создана специальная правительственная организация «Комиссия по расовому равенству» (Commission on Race Equality). В 1983 г. Нидерланды приняли базовые идеи мультикультурализма, выразив их в государственной программе: «Политика в отношении этнических меньшинств».

Смещение проблематики УКР в сторону регулирования миграции и интеграции мигрантов

Если пионеры мультикультурализма (Индия, Швейцария и Канада) применяли эту концепцию для регулирования взаимоотношений автохтонных народов своих стран, имеющих в некоторых случаях многовековой опыт совместного проживания на одной территории, то в 1980—1990-е гг. внимание как исследователей, так и политиков, занимавшихся проблемами межэтнических отношений, перемещается в сферу миграционных проблем и вопросов интеграции мигрантов различных национальностей и конфессий в принимающие сообщества.

Новые времена и новые условия требовали пересмотра трактовок многих понятий, и прежде всего ключевого для мультикультурализма понятия — «этническое меньшинство». Вместо акцента на особый статус меньшинств правовые нормы стали подчеркивать их юридическую полноправность, равенство их статуса с представителями большинства. Этничность, языковая и религиозная принадлежности больше не воспринимались экспертами в качестве неотъемлемых свойств индивида или группы, а определялись как идентичности, свободно выбираемые гражданами. Права меньшинств перестали рассматриваться только как «добрая воля» государства, а закреплялись международными хартиями: Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств (1995), а затем Лундскими рекомендациями Совета Европы (1999) на ту же тему и рядом других международных документов.

Уже сам факт присоединения к ним стран ЕС привел к тому, что те или иные черты мультикультурализма стали для этих стран общими. Автор по собственному опыту работы в Администрации Президента РФ (1993—1999 гг.) знает, что в этот период модель мультикультурализма обсуждалась в России, и даже предпринимались попытки внедрения ряда ее принципов в практику федеральных и региональных органов власти. К этому обязывала Россию и ратификация ею в 1998 г. Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

В 1990-е годы ученые и юристы-практики существенно пересматривают и дополняют основные признаки государственной и муниципальной политики управления культурным разнообразием, включая в них, в частности, расширение сферы гражданской самоорганизации.

Критика мультикультурализма и новые концепции в сфере УКР

В начале 2000-х годов происходят перемены в рамках парадигмы УКР. В это время начинает нарастать критика мультикультурализма. В немалой степени этому способствовало то, что само понятие «мультикультурализм» до сих пор является одним из наиболее расплывчатых в политическом лексиконе — каждый его использующий вкладывает в него свой смысл. Мультикультурализм больше не

представляется единственной моделью, способной в полной мере отвечать потребностям управления культурным разнообразием.

Критика концепции мультикультурализма велась с различных позиций. С одной стороны, ее решительно отвергали национал-популисты, вроде лепеновского Национального фронта во Франции, защищающие утопию культурного единообразия современных государств. С другой — академические ученые, а также политики уважаемых направлений. Они не оспаривают идею защиты культурного разнообразия, но выступают против побочных политических следствий мультикультурализма, и прежде всего *коммунитаризма* — государственной политики, которая де-факто не столько поддерживает самобытные культуры, сколько спонсирует деятельность разрозненных общин, поощряет параллельное существование этнических или конфессиональных сообществ и усиливает замкнутость культурных групп. Первым из влиятельных политиков это отметил испанский премьер-министр Х.-М. Аснар, заявив, что «мультикультурализм раскалывает общество». Однако всемирный отклик вызвало не его выступление, а заявление канцлера Германии А. Меркель (16 октября 2010 г.): «Национальные общины живут бок о бок в одной стране, но не взаимодействуют». Именно это она назвала провалом, абсолютным крахом политики мультикультурализма. Эту же идею подхватил президент Франции Н. Саркози: «Общество, в котором общины просто существуют рядом друг с другом, нам не нужны. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным» (2011). И наиболее рельефно, на наш взгляд, охарактеризовал либеральную критику мультикультурализма премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон. 5 февраля 2011 г., выступая в Мюнхене на международной конференции по безопасности, он детально объяснил претензии европейских политиков к мультикультурализму, отметив, что их вовсе не беспокоит наличие разных культур в едином государстве — это неизбежное явление эпохи глобализации. Реальную проблему представляет лишь отсутствие у части «новых британцев» единой гражданской, британской идентичности вследствие влияния мультикультурализма. «Великобритания, — заявил Д. Кэмерон, — поощряет параллельную, не связанную друг с другом жизнь различных культур», что приводит к «ослаблению коллективной идентичности». Такая ситуация способствует дезориентации части мусульман, делая их восприимчивыми к воздействию экстремистских проповедников. Кэмерон ссылаясь на исследования, которые показали, что до трети молодых британских мусульман не причисляют себя к британскому сообществу, а идентифицируют себя со всемирной исламской уммой. Из этого лишённого гражданской идентичности сообщества, не заинтересованного в гражданском сотрудничестве, как раз и формируется слой тех радикальных групп, которые участвуют в террористических актах или в коллективных погромах на территории Британии.

Несколько позже с подобными критическими заявлениями в адрес мультикультурализма выступили лидеры ряда других стран Европы, при этом в числе критиков были представители как праволиберальных, так и леволиберальных, социалистических партий.

В начале второй декады 2000-х проблемы коммунитаризма существенно обострились в связи с произошедшим изменением структуры экономики развитых стран мира: радикальным сокращением трудоемких и экологически вредных производств, где был спрос на труд низкоквалифицированных и неквалифицированных мигрантов, и увеличением спроса на квалифицированный труд в наукоемком производстве и сфере услуг. Эти изменения привели к тому, что декларируемое «открытое общество» в развитых демократиях зачастую оказывалось закрытым для значительной части мигрантов, которые на протяжении жизни нескольких поколений не могут подняться с низших ступеней социально-имущественной лестницы. В таких странах как Франция и Великобритания (к Германии это относится в несколько меньшей мере) мигранты концентрируются в беднейших кварталах, с наихудшим

медицинским обслуживанием и, что страшнее всего, наихудшим образованием, надолго закрепляющим их социальное отставание. Одновременно в этих же странах возникают и «золотые гетто» богатых кварталов, в которых элитарные слои населения отгораживаются от проблем «простонародья», получающего презрительные клички наподобие «реднеков»¹ и др.

Миграционный кризис 2015 г. лишь усилил эти проблемы. В результате миграций значительно возросли как доля незанятого населения, так и расходы государств на его социальное обеспечение. Все это резко увеличило налоговую нагрузку на занятое население и привело к усилению социального недовольства разных групп общества. Подъем национал-популизма в странах ЕС и в США (2016–2017 гг.) в немалой степени стал следствием этих процессов, указывающих на несостоятельность мифа о переходе мира к «постнациональной» эпохе, развиваемой рядом теоретиков мультикультурализма (см., например: Терборн, 2001). Напротив, ныне необычайно возросла общественная потребность в преодолении социальной сегрегации и в общенациональной гражданской солидарности, в том числе и в странах, где она была, но подверглась эрозии под воздействием коммунитаризма.

Итак, 30–40 лет попыток реализации модели мультикультурализма почти повсеместно показали, что вместо интеграции мигрантов в принимающее сообщество (заявляемой как цель этой политики) под ее влиянием зачастую нарастают этноцентризм, этническая и религиозная дифференциация обществ; проявляется сегрегация меньшинств как добровольная, так и вынужденная. Мультикультурализм, а точнее одно из его проявлений — коммунитаризм, на уровне страны может оборачиваться жесткой сегрегацией на уровне локальных общин.

Альтернативные модели

И вот в экспертной среде стали формироваться и обосновываться альтернативные модели УКР. Их суть и назначение сводятся к тому, чтобы при сохранении основных достоинств мультикультурализма (в защите прав меньшинств, в сохранении разнообразия и в гарантиях свободы культурного выбора) направить усилия государства на развитие доверия, диалога и взаимодействия между разными социальными и этнокультурными группами населения. Гражданское единство вместо сегрегации — эта идея лежит в основе концепции интеркультурализма, зародившейся в Канаде, где в 1970-е годы впервые начала осуществляться политика мультикультурализма, и где так же раньше, чем в других странах, обнаружили ее недостатки.

Критика мультикультурализма несколько не подорвала интерес к идее управления культурным разнообразием, напротив, именно с 2000-х годов становится все яснее, что и признание культурных различий, и обеспечение равных возможностей для всех групп в социально-политической жизни — это задачи, от решения которых зависит успешное функционирование общества. В таком понимании концепция УКР позволяет по-новому взглянуть на суть политического и экономического управления, устанавливая связи между разными сюжетами и проблемами, свойственными современным сложным обществам, и проявляющимися как на национальном, так и на локальном городском уровне.

К концу первой декады 2000-х годов тематика УКР не только входит в повестку политических дебатов большинства развитых стран мира, но и становится предметом действий различных государственных и общественных структур. В это время в странах ЕС и в Канаде создаются специальные министерства, правительственные ведомства и комиссии по решению вопросов, связанных с УКР. Для прояснения концептов и детального анализа актуальных проблем государством и муниципалитетами стали

¹ От английских слов *red* (красный) и *neck* (шея). Реднеки — те, кто в основном работают не в офисе, а на улице (фермы, стройки).

привлекаться академические эксперты, регулярно готовившие доклады по указанным вопросам.

В основу новой версии УКР положены идеи «интеркультурализма» — общественной интеграции, межкультурного взаимодействия, развития горизонтальных связей и гражданской активности. Все они, на наш взгляд, чрезвычайно важны для совершенствования российских подходов к регулированию межэтнических отношений.

Управление культурным разнообразием в «Стратегии государственной национальной политики России»

В современной России проявляется необходимость обновления теоретических парадигм в разных сферах государственного управления, в том числе и в сфере регулирования этнополитических отношений (этнических, религиозных, федеративных и пр.). Парадигма «национальной политики», которая в СССР и в постсоветской России долгое время была единственным теоретическим основанием для такого управления, сегодня требует корректив и дополнений, исходя из новых политических реалий и современных теоретических воззрений.

Возьмем в качестве примера основополагающий документ в области российской национальной политики — Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. В этом документе впервые в практике российского государственного управления появилось понятие «российская нация» как политическая категория, однако значительно чаще слова, содержащие корень «нация» («многонациональность» и «межнациональные отношения»), употребляются в качестве синонимов «полиэтничности» и «межэтнических отношений». Из контекста видно, что термины «нация» и «этнос», «национальность» и «народ» означают для авторов документа примерно одно и то же. Весь документ сосредоточен на решении сугубо этнических проблем, хотя на практике их чаще всего нельзя отделить от проблем другого рода — религиозных и миграционных, политических и социально-экономических. В этом отношении концепция УКР могла бы расширить возможности национальной политики, придав ей комплексный характер, поскольку УКР предполагает рассмотрение разных форм культурных различий — социальных, религиозных, этнических, демографических и др. Это особенно важно в современных условиях, когда возникают новые формы идентичности, весьма неустойчивые в быстро изменяющемся мире.

Еще в начале 2000-х годов, за несколько лет до известных конфликтов с этнической окраской в российских городах, социологи Левада-центра обратили внимание на взаимосвязь между социальным недовольством и этническими фобиями россиян. Лев Гудков тогда писал, что в современной России «комплекс социальных обид растет очень сильно, но, что характерно: он не становится социально окрашенным, а принимает форму национальных обид, чувства притеснения со стороны других, этнически чужих, национальных противников и врагов».

Исследования, проведенные в ходе нашего проекта, указали на развитие этой тенденции в 2006–2013 гг. Анализ городских волнений (Кондопога, Карелия, 2006 г.; Москва, Манежная площадь, 2010 г.; г. Пугачев, Саратовская область; Москва, район Бирюлево и Санкт-Петербург, «Апраксин двор», 2013 г.) показал, что возникающие в условиях социальной турбулентности вспышки ксенофобии и негативной консолидации городского населения приводят к быстрым изменениям образа врага, который может выступать то как этнический, то как религиозный или политически «чужой».

Отметим, что размытый образ врага и быстрая смена ракурсов его восприятия вовсе не являются особенностью массового сознания жителей России. Такое же сложное сочетание гражданского протеста с антиэмигрантскими, этническими, религиозными или расовыми фобиями были отмечены нами в ходе сравнительного анализа российских городских конфликтов с аналогичными конфликтами, случившимися за рубежом: в Париже (2005 г.) и в американских городах Фергюсон, штат Миссури

(2014–2015 гг.) и Балтимор, штат Мэрилэнд (2015 г.). Несмотря на то, что городские столкновения в России и в западных странах вызваны разными структурными причинами (экономическими, историческими, политическими), их непосредственным триггером во всех случаях выступали однотипные факторы, прежде всего недовольство местного населения условиями жизни и «оторванность» институтов власти в городах от потребностей и интересов местных жителей. Сравнительный анализ городских волнений позволил выявить и такие общие для разных стран негативные действия властей как попытки возложить ответственность за «разжигание конфликтов» на «диаспоры» и попытка найти «простые решения» на местах, ничего не меняя в системе управления городом.

Вместе с тем в исследовании отчетливо проявились и различия между странами в характере городских конфликтов. Так, участники столкновений в России, в отличие от активистов относительно похожих городских конфликтов во Франции или США, не обращались напрямую к государственным органам (полиции, судам) с требованиями, чтобы те добросовестно исполняли предписанные законом функции. Напротив, толпа требовала вершить «правосудие» самостоятельно и наказать на месте виновников того или иного конкретного происшествия, послужившего катализатором волнений. Российские горожане не верили в саму возможность повлиять на ситуацию на местном уровне.

Сравнительный анализ конфликтов в разных странах укрепил нас во мнении, что современная этнополитическая конфликтность, особенно та, которая проявляется в городах, не может быть однозначно определена как межэтническая, межконфессиональная, межрасовая или как столкновение мигрантов и принимающего их населения. Перечисленные признаки конфликтов — это лишь внешние проявления совокупности неких латентных процессов. Формы проявления таких конфликтов и их последствия существенно зависят от сложившейся политической и гражданской культуры данного общества.

В этой связи хотелось бы отметить одно из важных достоинств методологии управления культурным многообразием — она всегда направлена на выявление культурной специфики объекта исследования и управления. Прояснения такой специфики в Стратегии национальной политики 2012 недостаточны. В ней ставится задача развития российской нации, но не определяется, какой тип политической нации будет формироваться на перспективу до 2025 г.

Еще в 2004 г. один из классиков современной политологии Хуан Линц и его сотрудники предложили выделять две политических нации: для унитарных государств — «национальное государство» (nation state), а для составных — «государство-нация» (state nation). Мы не настаиваем на использовании именно этой классификации, но подчеркиваем настоятельную необходимость отразить в Стратегии национальной политики специфику формируемой политической нации, с учетом особенностей нашего государства и общества.

Составное государство

Эта российская особенность проявляется не только в ином, нежели в унитарных странах, сочетании проблем интеграции мигрантов и гармонизации отношений между автохтонными народами Российской Федерации. Еще важнее то обстоятельство, что для составных, многонациональных государств возможна иная траектория развития политической нации, отличная от той, которая чаще всего наблюдалась в истории сравнительно однородных в этнокультурном отношении государств Европы, где политические нации исторически складывались вокруг одной этнической общности. В составных же государствах неизбежна селективная, очаговая и поэтапная последовательность развития. В этом случае в рамках формируемой политической нации долго будут сохраняться не только разнообразные этнические и религиозные

идентичности, но и разный уровень развития гражданской культуры, а также не одинаковый уровень сохранности и влияния традиционных отношений. При этом граждане, безусловно, должны признавать единство базовых общеполитических норм в государстве.

Этатизм и особая роль государства в политической системе

В социологической и политологической литературе все чаще подчеркивается более значительная, чем в странах Запада, роль государственной власти в жизни российского социума. В частности, в последние годы эту идею обосновывает в своей теории «неоэтакратизма» О. Шкаратан. По его мнению, «внутри евразийской цивилизации и на ее основе на территории бывшего СССР сформировалась и развивалась этакратическая социетальная система <...> с ее собственными законами функционирования и развития». Бывший директор института социологии РАН Леокадия Дробижева отмечает, что для россиян «самым значимым фактором для консолидации является государство: оно набирает вдвое большее число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян — 60–75%».

Этатизм имеет свои негативные последствия для формирования политической нации, поскольку затрудняет развитие горизонтальных связей между людьми и ослабляет общественное доверие в стране. Как показывают сравнительные международные исследования, наша страна характеризуется одним из самых низких по мировым меркам, и даже слабеющим доверием к общественным институтам и к другим членам сообщества. Однако последствия низкого уровня доверия в разных социально-политических условиях оказываются неодинаковыми.

Эксперт Бершидский, обобщая для корпорации «Bloomberg L.P.» материалы сравнительных исследований, выделил два типа стран с пониженным по сравнению со средним для Европы уровнем доверия. В одном случае, в странах, где исторически господствовал этатизм (Россия, Венгрия и Польша), властям удается компенсировать низкое межличностное и институциональное доверие за счет негативной консолидации перед лицом внешних врагов. Такой компенсации нет в другом типе стран — с преобладанием исторически низкой ценности государства как института (Греция, Италия, Румыния, Украина). Здесь общество характеризуется не только низким уровнем горизонтального и вертикального доверия, но и слабой общественной консолидацией. Если же население таких стран сталкивается с серьезными трудностями в процессе реформ, то доверие к государству и уровень общественной консолидации падают еще сильнее. В таких условиях чрезвычайно велика вероятность частой политической и экономической нестабильности.

Особая роль неформальных норм и межгрупповых социальных отношений

Общепризнано, что в государствах, где преобладают этатизм в массовом сознании и вертикально-административные подходы в государственном управлении, неформальные правила, в том числе патрон-клиентские отношения, значительно превалируют над формальными. Не вступая в дискуссию о масштабах и месте патрон-клиентских отношений в России и в других постсоветских странах, мы не можем согласиться с утвердившейся в литературе односторонней и крайне негативной оценкой неформальных отношений только как условием коррупции. Наши исследования показывают, что традиционные отношения могут играть важную позитивную роль в переходный период жизни нового государства. В ряде стран СНГ они не только компенсируют недостатки в социальном обеспечении населения (особенно в сфере ухода за стариками и детьми), но и используются в программах экономического развития территорий. Свежие исследования 2016 года в Уфе и Ростове-на-Дону также показывают, что традиционные межгрупповые отношения во многих случаях выступают факторами предотвращения межэтнических конфликтов. Например,

на основе таких отношений (в некоторых случаях в результате прямых договоренностей) между лидерами неформальных коалиций, включающих в себя как представителей бизнес-структур, так и общественных деятелей разных национальностей и конфессий, не раз удавалось не допустить перерастания конкуренции за экономические или административные ресурсы в этнополитические конфликты.

В Стратегии государственной национальной политики одной из важнейших задач поставлено развитие общегражданского самосознания. Однако эта задача трактуется весьма узко как государственными служащими, так и значительной частью экспертов, которые зачастую сводят ее к социальному конструированию почти исключительно с помощью усилий государственной власти и с использованием контролируемых государством информационно-культурных средств, включая просвещение, искусство и массовую информацию. На наш взгляд, для утверждения общегражданской идентичности и гражданской активности необходимо не только включение этой тематики в образование и в трансляцию системой массовых коммуникаций, крайне важно содействие со стороны государства и муниципалитетов реальным практикам общественной саморегуляции. Активизация участия людей в общественной жизни невозможна без создания для этого институциональных предпосылок, а они, в свою очередь, зависят от изменения законодательных основ общежития и культурного взаимодействия граждан России.

Позитивные стороны международного опыта освоения концепции УКР связаны прежде всего с внедрением в практику стран ЕС, Канады и США антидискриминационного законодательства, в наибольшей мере обеспечивающего укрепление доверия между людьми. В России антидискриминационной системы пока нет, более того, даже само понятие «дискриминация», по мнению экспертов, относительно редко и крайне фрагментарно применяется в законодательстве.

Этнополитическая ситуация в России начала XXI в. существенно изменилась по сравнению с 1990-ми годами, в то время как методология «национальной политики» осталась прежней. В 1990-е годы основные проблемы межнациональных отношений в России были связаны с этнической мобилизацией групп населения (так называемых «титовых национальностей» в республиках Российской Федерации), протекавшей в рамках процесса, получившего название «парад суверенитетов».

В первой декаде XXI века острота «вертикальных» конфликтов по поводу суверенитета между республиками и федеральным центром ослабла, а «горизонтальные», межгрупповые конфликты в городах стали проявляться заметнее, и прежде всего в связи с беспрецедентным притоком мигрантов. Города стали не только местом концентрации населения, но и основными двигателями развития современного государства и общества практически во всех сферах их жизни.

Изменились географические и содержательные характеристики этнополитических проблем: на первый план вышли те противоречия, которые чаще всего обозначают как межэтнические или межконфессиональные столкновения интересов мигрантов и принимающего сообщества на территории крупнейших городов и агломераций страны. В то же время выработка стратегии национальной политики пока осуществляется только в рамках всей страны и регионов, тогда как города по-прежнему остаются вне поля зрения стратегических разработок в национальной политике (за исключением городов — субъектов Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя).

Город как субъект управления культурным разнообразием

Именно города являются основным местом проявления современного культурного разнообразия, в них же проявляются и наиболее острый рост разнообразия, связанный прежде всего с размыванием городской идентичности, снижением уровня доверия между разными группами населения и ослаблением общегородской солидарности. Эти факторы сокращают ресурсы городского управления и развития.

Вместе с тем крупнейшие города накапливают и такие социальные ресурсы, при которых культурное разнообразие из проблемы может превратиться в действенный инструмент поддержания стабильности.

Блер Рубл, известный американский политолог-урбанист, выдвинул концепцию «прагматического плюрализма», суть которой сводится к тому, что само многообразие культурных сообществ (этнических, религиозных, расовых, сословных и др.) приводит к прагматической толерантности в силу необходимости взаимодействия с группами и лицами, в отношении которых долго могли складываться негативные стереотипы. Его исследования показали, что лучшие руководители городского управления в трех городах (Чикаго, Москва и Осака) на рубеже XIX — XX вв. умело преодолевали эти стереотипы, создавали коалиции разнородных группировок, используя их для общего блага горожан и города. Одна из базовых гипотез нашего исследования состоит в том, что и ныне, спустя более чем столетие после времен, описываемых Б. Рублом, какие-то формы внутригрупповой сплоченности проявляются и оказывают стабилизирующее воздействие на межэтнические отношения в городах.

Вероятно, в разных культурах степень внутригрупповой сплоченности неодинакова. В качестве объектов исследования нами были выбраны: Уфа, Ростов-на-Дону и Пермь. Уфа — столица Башкирии, крупнейшей по численности населения из республик России, интересна она и тем, что в городе совместно проживают три крупных российских этноса: русские (48,9% населения), татары (28,3%) и башкиры (17,1%), но при этом ни одна из групп не обладает возможностью доминировать. Ростов-на-Дону — «ворота Кавказа», «столица юга России», город, возникший в XVIII веке как агломерация русской крепости и армянского города (Нахичевань), до сих пор сохраняющий особые традиции межэтнического взаимодействия, несмотря на свое местоположение на границе с зонами повышенной нестабильности, — как в регионе Северного Кавказа, так и на границе с Донбассом. Пермь — один из крупнейших центров Урала, город, долгое время считавшийся «столицей» российского гражданского общества. Мы предполагали, что этот фактор может оказать стабилизирующее воздействие на межэтнические отношения в городе и в зоне его притяжения.

Факторы стабильности

Поскольку Москва является одним из субъектов Федерации, мы здесь ее не затронем (хотя она представлена в исследовательском проекте) и сосредоточимся только на городах, являющихся муниципальными образованиями, «городскими округами», которые фактически лишены функции управления культурным разнообразием и поддерживают стабильность межэтнических отношений лишь за счет исторически сложившихся механизмов саморегуляции, впрочем, действующих весьма успешно.

Как показали наши исследования, все три выбранных нами центра агломераций отличаются высоким уровнем социальной стабильности и имеют преимущества в обеспечении более низкого уровня межэтнической напряженности в сравнении с сопоставимыми по численности населения и социально-экономическому потенциалу городами соответствующего федерального округа. Так, в Поволжском округе Уфа имеет в обсуждаемом отношении преимущества в сравнении с Казанью; в Уральском — Пермь в сравнении с Екатеринбургом; на юге — Ростов-на-Дону в сравнении с Волгоградом, Воронежем и Краснодаром (если судить по количеству зафиксированных МВД проявлений межгрупповых столкновений и актов терроризма на этнической и религиозной основе). Отобранные нами города отличаются высокой долей «коренных жителей», живущих в городе с рождения: в Ростове-на-Дону они составляют 76% населения, в Уфе — 60%, а в Перми — 53%. Обычно уроженцы городов, продолжающие постоянно проживать в них, формируют ту социально-культурную определенность, которая помогает мигрантам понять стандарты поведения

и приоритетные ценности жителей города. Это, в свою очередь, облегчает процесс интеграции мигрантов.

Исследования Фонда «Общественное мнение» по городам России показали, что выбранные нами города характеризуются одним из самых высоких в стране уровнем приверженности горожан к своему городу. Доля респондентов, не желающих переезжать из своего города в другое место, составила в Ростове-на-Дону 88%, в Перми — 82%, а это существенно выше среднего по России показателя (76%) для городов с населением от 500 тыс. до 1 млн чел. Только в Уфе этот показатель близок к среднему по России и составляет 74%.

Уже первые результаты исследований в фокус-группах, проведенных в городах — объектах нашего исследования, показали, что существуют пока малоизученные механизмы саморегуляции, которые фактически и предотвращают значительную часть межэтнических конфликтов, но пока совершенно не учитываются в документах, посвященных национальной политике. Так, выяснилось, что изучаемые города типичны для страны в целом с точки зрения преимущественно пассивного отношения жителей к участию в политических партиях, профсоюзных организациях, органах местного самоуправления или в таких организациях как товарищества собственников жилья (ТСЖ), зато здесь весьма эффективно действуют неформальные организации разного типа. В Ростове-на-Дону это прежде всего соседские и дружеские связи. В социологическом исследовании ФОМ этот город характеризуется рекордно высокой долей респондентов, которые указывают ценность «дружбы, общения с близкими, друзьями, знакомыми» — 73% (при среднем по стране показателе в 48%). Наши опросы в фокус-группах, а также интервью с экспертами и антропологические наблюдения показали, что и в русской среде города сложился особый тип социальных связей, который можно назвать «куначеством», как у народов Северного Кавказа. Это дружба, связанная с обязательствами взаимной защиты, обеспечения безопасности и экономической взаимопомощи. В Уфе взаимоотношения трех этнических сообществ формируют систему сдержек и противовесов, обеспечивающих поддержание этнополитической стабильности, а в Перми сильна общегородская солидарность и гражданская культура, подтверждаемая рейтингами демократичности регионов России, в которых Пермь неизменно входит в первую десятку.

Самоорганизации населения позитивно воздействуют на межэтнические отношения в изучаемых нами городах, однако этот социальный ресурс не используется и не поддерживается городскими администрациями. Идея опоры на социальный капитал саморегулирования межэтнических отношений не проявился в каких-либо документах городской этнической политики, да и сами эти документы оказались крайне редкими и разрозненными. Из трех городов лишь в Перми была принята муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе», в которой специальный блок мероприятий посвящен социальной и культурной адаптации мигрантов. Однако выявить какие-либо следы реализации этого блока нам не удалось ввиду отсутствия последующих распоряжений о выделении ресурсов на эти цели. Данная программа не корреспондирует и со стратегией социальноэкономического развития Перми, принятой в том же 2014 г. Устав городского округа Уфы относит к вопросам местного значения «разработку и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия», но эта запись остается лишь декларацией, благим намерением, не опираясь на соответствующие программы и планы, не говоря уже об их социально-экономическом подкреплении.

В Ростове-на-Дону в документах городской администрации нет даже и документов, касающихся каких-либо планов или программ по межнациональным отношениям. И это несмотря на то, что в Уфе, Перми, Ростове-на-Дону и в сформировавшихся вокруг них агломерациях проживает свыше половины населения республики или

области. Здесь же сосредоточена львиная доля ВВП соответствующего региона, и эти города являются центрами притяжения почти всей массы мигрантов, пребывающих в регион.

Опрошенные нами эксперты считают такую ситуацию типичной для России и связывают ее с проявлением фундаментального несовершенства системы муниципального управления. Н.В. Зубаревич¹ в ходе интервью отметила, что российский муниципалитет практически любого типа — это усеченная и крайне скованная управленческая структура, у которой отобраны и перенесены на уровень регионов все базовые полномочия, в первую очередь социальные. Даже у столиц регионов отобрано право сбора налогов, и крупнейшие города живут в основном за счет трансфертов, а уровень их дотационности обычно составляет около 58%, поэтому они ничего не решают и не определяют ни в одной из сфер внутренней политики страны. К тому же интересы администраций подобных муниципальных образований весьма ограничены. Они обычно проявляют заинтересованность в регулировании сфер дорожно-транспортного и коммунального хозяйства, социальной защиты населения. В меньшей степени их заботит образование и здравоохранение, а уж решение межэтнических проблем и вовсе аутсайдер в ряду интересов городских властей. У муниципалитетов ныне нет: а) полномочий, б) возможностей и в) интереса для регулирования межэтнических отношений.

Локальные механизмы предотвращения конфликтов

Сравнительные исследования в России, США и Франции показали, что возможности предотвращения конфликтов, как правило, связаны со следующими действиями городских властей:

- а) политической интеграцией жителей — включением представителей меньшинств в системы управления городом;
- б) укреплением гражданских связей в форме поддержки общественных ассоциаций и участия населения в разработке общегородских проектов;
- в) созданием физических и виртуальных «зон контакта» в городском пространстве;
- г) политикой компромиссов и приемлемых уступок.

Важнейшим фактором является включение механизмов локальной демократии. К последним относятся публичные обсуждения сложных городских проблем с участием независимых экспертов, государственных служащих и представителей местного сообщества, а также другие публичные слушания. Ничего похожего мы не обнаружили в исследованных нами городах России. Практически единственной формой воздействия администраций крупнейших городов на межэтнические отношения являются их периодические контакты в разной форме с лидерами этнических диаспор. Этот механизм обладает ограниченными возможностями: во-первых, взаимодействие с лидерами вовсе не означает связи с самой диаспорой, многие из которых представлены несколькими разными и конкурирующими организациями; во-вторых, взаимодействие властей со «старейшинами» общин в лучшем случае обеспечивает некоторый уровень контроля администрации над ситуацией в разных общинах, но никогда не помогает процессу интеграции мигрантов, этнических и религиозных меньшинств в городское сообщество; в-третьих, такое взаимодействие акцентирует внимание общества на этнической и религиозной идентичности, ущемляя гражданскую идентичность, поэтому возвышение роли общин зачастую приводит к эффекту коммунитаризма, т.е. к расколу городского сообщества на параллельно существующие общины.

К счастью, в России пока не возникло такое следствие коммунитаризма, как замкнутые этнические или религиозные кварталы, население которых становится

¹ *Наталья Васильевна Зубаревич* — российский учёный-исследователь, специалист в области социально-экономического развития регионов, социальной и политической географии.

невольником общин с их архаическими нормами жизни. Вместе с тем этнополитические процессы в России во многом повторяют многие тенденции, характерные в недавнем прошлом для этнополитической ситуации стран Запада, опиравшихся на политику коммунитаризма, и нельзя исключить появления в российских городах ряда его дефектов в условиях преобладающих сегодня нерегулируемых, стихийных процессов.

Стоит иметь в виду, что даже в странах с либерально-демократическими режимами, таких как государства ЕС и Канада, общественность которых традиционно с большой опаской относится к росту государственного регулирования, в последнее десятилетие проявилась тенденция отказа от сугубо стихийного развития и роста различных форм целенаправленного управляющего воздействия государства и муниципалитетов на процессы культурного разнообразия. На основе анализа этого опыта в нашем исследовании были сформулированы некоторые общие подходы к управлению культурным разнообразием в масштабах крупнейших городов — центров агломераций. Такие подходы не являются альтернативными, напротив, чаще всего они используются в определенной комбинации. Наиболее общие типы таких подходов могут быть сформулированы, следующим образом:

— политика косвенного ограничения культурного разнообразия, прежде всего за счет использования селективных подходов по отношению к миграционным процессам, например, в сфере селекции трудовых мигрантов по квалификационным признакам, уровню образования, знанию русского языка и ряда других социально-культурных признаков;

— политика форсирования культурного разнообразия на локальном уровне с целью недопущения формирования в городах замкнутых моноэтнических или моноконфессиональных кварталов приезжего населения;

— политика ограничения культурной неопределенности за счет комплекса мер по ориентированию мигрантов относительно культурного своеобразия города, базовых культурных ценностей его жителей, их представлений об «общем благе».

Разумеется, культурные нормы и ценности подвижны, и их идентификация это всегда процесс отбора и проверки, которые можно назвать, используя знаменитую формулу Эрнеста Ренана, «повседневным плебисцитом».

Заключение

Со второй половины XX в. концепция управления культурным разнообразием, развиваясь и отбрасывая менее совершенные модели в пользу версий, более адекватных современным условиям, становилась все более влиятельной парадигмой государственного и муниципального управления в разных странах мира. Ее особое значение проявляется в тех областях жизни, которые и возникли как ответ на вызовы культурного разнообразия. Прежде всего это сферы регулирования межэтнических, межрелигиозных отношений и миграции.

Российская практика регулирования межэтнических отношений также отражает рост внимания властей к культурному разнообразию, свидетельством чему является выработка государственных концепций и стратегий в сфере межэтнических отношений и создание специальных ведомств (последнее из которых — Федеральное агентство по делам национальностей — создано весной 2015 г.). Вместе с тем, как уже отмечалось, сохраняются и устаревшие методологические подходы в национальной политике.

Важнейшей целью нашего исследования стало заполнение отмеченных научных лагун в совершенствовании методологии национальной политики. В результате проведенного анализа нами был сформулирован широкий спектр предложений по дополнению традиционной, принятой в России модели «национальной политики» новой парадигмой «управления культурным многообразием» и включения в нее проблематики городских агломераций.

Кратко охарактеризуем пять важнейших предложений методологического характера.

1. Необходимо раскрытие в российской практике государственного и муниципального управления позитивных возможностей парадигмы УКР, которая не ограничивается этническими (национальными) отношениями, а предусматривает рассмотрение совокупности этнических, религиозных, локально-культурных и социально-культурных явлений и поэтому может выступать как единая основа для совокупности взаимосвязанных «отраслевых» политик — этнической, конфессиональной, миграционной, культурно-образовательной и ряда других.

2. Концепция УКР должна облегчить переход от государство-центричной к общество-центричной парадигме управления. Данный процесс связан с целым рядом тенденций, носящих, по всей видимости, универсальный характер; главные из них — постепенная десакрализация публичной власти и рост роли общества в политической системе. В отличие от прежних эпох, современные концепции государственного управления подразумевают не столько контроль над населением, сколько ориентацию на предоставление ему услуг и взаимодействие власти и общества. Это верно и в отношении культурного разнообразия, воспроизводство которого связано с деятельностью не только государства, но и многочисленных социальных субъектов.

3. Государственное управление должно позволить по крайней мере крупнейшим городам — центрам агломераций стать не только объектом, но и субъектом регулирования этнополитических отношений, что напрямую связано с расширением полномочий и ресурсных возможностей крупнейших городов, а также с изменением требований, предъявляемых к городским властям, которые должны осознавать, что они несут ответственность не только за «коммуналку» и состояние дорог.

Повышение субъектной роли городов в УКР напрямую связано с решением важнейшей задачи государственной национальной политики — развитием гражданского самосознания, поскольку города, прежде всего крупнейшие, являются основной средой развития гражданского общества и гражданской культуры.

4. Требуется уточнение целевых установок национальной политики в отношении городов, поскольку идея развития гражданской нации применима в целом для страны, но нуждается в конкретизации на уровне отдельных городов. Кроме того, города, и особенно центры крупнейших агломераций, всегда отличались более высоким уровнем территориальной концентрации социального, культурного, идейного разнообразия, чем страна в целом. Возможность мирного общежития столь разнородных сообществ всегда определялась не столько единством ценностных характеристик, сколько системой сдержек и противовесов. Это предложение подразумевает необходимость исследования социальных механизмов, уравнивающих и компенсирующих межкультурные противоречия, а также изучение факторов превращения культурного разнообразия из источника конфликтов в систему поддержания стабильности.

5. Целесообразно пересмотреть базовый теоретический постулат национальной политики, который в неявном виде повторяет принятую в СССР идею «догоняющей модернизации» («догоним и перегоним») и ранжирует культуры по степени достижения ими некой нормы (гражданской солидарности). В качестве замены мы предлагаем ориентироваться на концепцию «множественной современности» (multiple modernities), допускающую значительно большую гибкость в оценке эффективности управления культурными процессами и ориентирующую исследователей на поиск местного, специфического капитала модернизации. Ориентацию на формирование гражданской нации, принятую в Стратегии национальной политики, стоит дополнить задачами более полного использования сложившихся форм самоорганизации и взаимодействия разных групп населения в городах.